

Кароткія паведамленні

В 1986 году на филологическом факультете Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина состоялась конференция молодых ученых, на которой выступили с докладами 46 научных сотрудников, преподавателей и аспирантов не только факультета, но и Института языкознания АН БССР. На конференции работало шесть секций (четыре лингвистические и две литературоведческие): 1) современные проблемы лексикологии; 2) словообразовательные процессы восточнославянских языков; 3) секция грамматики и фонетики; 4) лингвистический анализ текста; 5) секция белорусской литературы; 6) секция русской и советской литературы.

Наиболее интересные доклады, сделанные на заседании первой секции, были посвящены анализу лексической семантики, исторической семасиологии (Руденко Е. Н. Проблемы абстрактной лексики в старобелорусском языке; Антропов Н. П. К истории и этимологии обрядового термина «сула»; Супрун-Белевич Л. Р. Мифологический аспект изучения славянской метеорологической лексики; Кожухова Н. Е. Основные черты ассоциативных структур детей в возрасте 3-х лет; Кожина А. А. Опыт сравнения лексической структуры древнерусских текстов).

Заседание каждой секции имело свою специфику. Не совсем обычен для факультетской конференции был состав участников секции лексикологии (подсекция «Проблемы фразеологии»): аспирантка кафедры общего и славянского языкознания, представитель ПНР Осойца-Чакон Б., аспирантки Воронежского государственного университета Наролина О. В. и Селезнева Г. Я., преподаватели кафедры иностранных языков Шевченко Г. И., Гарник А. В. Совершенно очевидно, что представительство разных школ придавало заседаниям не только демонстрационно-познавательный, но и ярко выраженный дискуссионный характер. «Камерный», немногочисленный состав докладчиков секции грамматики и фонетики позволил превратить ее заседания в своего рода «круглый стол» для анализа наиболее спорных вопросов и перспективных «выходов» работ.

Способность увидеть стимулирующие научный процесс противоречия и «недоговоренности» — вот что должны воспитывать, чему должны учить конференции молодых ученых. И в этом отношении очень полезным оказалось общение докладчиков с принимавшими участие в заседаниях секций профессорами А. Е. Супруном, В. В. Макаровым, Б. Ю. Норманом, заместителем декана филологического факультета доцентом Н. М. Пипченко, доцентами Н. Б. Мечковской, К. М. Гюлумянц, Н. В. Головки.

В этом номере журнала публикуются краткие изложения лучших докладов участников конференции. Ежегодное проведение конференций молодых ученых хотя бы с выборочной публикацией их материалов должно стать доброй традицией на филологическом факультете Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Тем более, что результаты конференций молодых ученых, проведенных в 1985 и 1986 годах, показали, сколь необходимо проведение республиканской конференции молодых филологов, которая позволит включить их в общую научную работу и будет способствовать координации научных исследований.

Н. П. АНТРОПОВ

К ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ ОБРЯДОВОГО ТЕРМИНА *сула*

В восточной части Гомельщины и западных районах Брянской области, с центром в междуречье Сожа и Беседи, фиксируется до настоящего времени интересный региональный весенний обряд «вождения (похорон) стрелы». В ряде населенных пунктов этого же региона известен и его

дублет — «вождение сулы». Если предпринятые в последние годы этнографические и фольклористические исследования обряда «вождения (похорон) стрелы» выявили его первоначальный охранительный характер (от молнии), который впоследствии дополнялся аграрной (в частности карпогонической) и любовной магиями, то обряд «вождения сулы» удовлетворительного объяснения пока не получил. Во всяком случае, попытка Г. И. Кабаковой не только типологически, но и генетически связать последний с молдавским весенним обрядом «sul» (он проводится в среду и четверг третьей (или первой?) недели после Пасхи девочками 5—14 лет; молд. *sul* 'вал ткацкого станка' якобы от лат. *subulum* 'вал') вряд ли оправдана как с собственно этнолингвистической, так и с ареальной и этимологической точек зрения.

Представляется, что сопоставление структур (вербальной, акциональной и предметной) обрядов «вождения (похорон) стрелы» и «вождения сулы» даст отправную точку для объективных разысканий в области истории и этимологии обрядового термина *сула*. Сравнение первых строк текстов основных песен двух обрядов показывает, что «сула» последовательно заменяет «стрелу». Ср.: «Як пушчу стралу да й уздоўж сяла» и «Ой лятить (бягить) сула да й удоль села» (Чёлхов Климовского р-на Брянской обл.). «Сула» и «стрела» оказывают и одинаковое действие: «Як уб'е страла добрага моладца» — «Да й устрелила [сула] Иванюшечку» (Чёлхов). Интересно, что в том же пункте от другого информанта, а также в Присно Ветковского р-на Гомельской обл. во второй строке этой же песни зафиксировано устойчивое «стрела»: «Загубила стрела добра молайца», «И убила страла да двух маладцеў». Акциональная и предметная стороны двух обрядов также удивительно близки: там, где «хоронят стрелу», девушки, участницы обряда, закапывают в землю небольшие предметы: ленточки, кусочки зеркальца, колоски ржи, наконец, антропоморфную куклу; в деревнях, в которых «водят сулу», девушки же украшают цветами, крапивой (!) небольшой колышек (палочку) и пускают его в речку. Любопытна и временная приуроченность описываемых обрядов — «вождение (похороны) стрелы» проводится, как правило, на Вознесение (40-й день после Пасхи), а «вождение сулы» в известных нам пунктах — либо на Пасху (второй день, святую неделю — Чёлхов), либо также на Вознесение (Присно).

Полагаем, что отправной точкой, о которой говорилось выше, является, несомненно, принадлежность «стрелы» и «сулы» к одному семантическому ряду, первичное значение которого — 'род метательного оружия'. Обрядовое *сула*, таким образом, оказывается родственным хорошо известному др.-русс. *сулица* (из прасл. **sudlica*) (и производным от него) с основным значением 'короткое метательное копье' (что было доказано Г. Ф. Одинцовым). Не должен вызывать вопросов и семантический переход 'короткое метательное копье' → 'обрядовый колышек (палочка)'. Ср.: нижегор. *сула* 'клюшка, которую мальчишки бросают вскользь по льду' (Даль), яросл. (ростовск.) *сулица* 'палка с железным наконечником, в виде копья, употребляемая странниками для защиты' (Волоцкий), русск. забайкальск. *сулец*, 'колотушка для сбивания кедровых орехов' (Элиасов), гуцульск. *суло* 'деревянная рукоять железных вил' (Шухевич).

По поводу возможности замещения «стрела» — «сула» ср. также др.-русс. *суличник* 'снаряд для метания сулиц', а также два текста: «И сулицы, из лук пушаемы, шюмяще, стрѣлы помрачиша свѣтъ» (Флав. Полон. Иерус.) и «Соулицами мечюще и головнями, яко молнью идяху» (Ипат.).

Судя по всему, оба обряда возникли, скорее всего, одновременно в среде летописных радимичей, но были принадлежностью более мелких (родовых?) этнических образований.